

РУССКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

**ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ**

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
РОССИЙСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

РУССКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ: ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

**Материалы международной научной конференции
Москва, 27-29 мая 1998 г.**

**Москва
РОСПЭН
1999**

ББК 66.1(0)

Р 89

Конференция проведена
при финансовой поддержке

Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)

проект № 98-01-14012

Редакционная коллегия:

В.В.Шелохаев, доктор исторических наук, профессор
(ответственный редактор)

М.К.Горшков, доктор философских наук;

В.В.Журавлев, доктор исторических наук, профессор;

В.Ф.Пустарнаков, доктор философских наук;

А.К.Сорокин, кандидат исторических наук

Р 89 Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 567 с.

В книге содержится комплексный анализ процессов генезиса, формирования и эволюции русского либерализма как доктрины и политики, организации, стратегии и тактики; его сопоставление с западноевропейскими типами либерализмов, а также прогнозирование перспектив развития и функционирования в условиях становления гражданского общества и правового государства в современной России.

The book contains complex analysis of the processes of genesis and evolution of Russian liberalism as doctrine and policy, organization, strategy and tactics in comparison with West-European types of liberalism; prognostication of its development and functioning perspectives during the formation of civil society and legal state in modern Russia.

ББК 66.1(0)

ISBN 5-8243-0032-1

© «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.

CONTENTS

Preface	5
<i>M.K.Gorshkov.</i> To the question of liberalism in Russia	10

Section I. REPORTS

<i>V.V.Schelokhaev.</i> Russian liberalism as a historiography and historiosophy problem.	17
<i>B.G.Kapustin.</i> Algorithms and variants of Western liberalism.	39
<i>V.F.Pustarnakov.</i> Had Russian liberalism its own philosophy?	57
<i>A.N.Medushevsky.</i> Political philosophy of Russian liberalism in comparative perspective	74
<i>I.K.Pantin.</i> Historical drama of Russian liberalism	94
<i>A.N.Zagorodnikov.</i> Western and Russian liberalism: traditions and contemporaneity	111
<i>L.V.Selezneva.</i> Russian liberalism and European political tradition: consonances and dissonances	121
<i>L.G.Berezovaya.</i> Self-consciousness of liberal intelligentsia at the beginning of the XXth century	130
<i>V.V.Sogrin.</i> Liberalism in Russia at the end of the XXth century: troubles and perspectives.	151

Section II. CONTRIBUTIONS

<i>A.D.Stepansky.</i> Institutional structure of Russian liberalism (XVIIIth — beginning of the XXth.)	169
<i>S.S.Sekirinsky.</i> Liberal ideal and Russian reality of the XIXth century: several aspects of interaction	185
<i>T.A.Filippova.</i> Liberal-conservative synthesis	201
<i>I.N.Sizemskaya.</i> «New liberalism»: teaching on human rights and state power	209
<i>G.P.Aksenov.</i> Personality as a basis of liberal idea.	217
<i>D.I.Oleynikov.</i> Political romanticism and political culture.	226
<i>A.A.Levandovsky.</i> Liberalism as a feature of personality (image of T.N.Granovsky in post-reform publicism).	233
<i>A.I.Narezhny.</i> Formation of liberal model of Russia state system in the 2 nd half of the XIXth century.	244
<i>L.I.Novikova.</i> Zemstvo as self-government body and political experience school.	255
<i>V.V.Zverev.</i> West-European liberalism and Russian narodnichestvo: common and particular	263
<i>A.A.Alafaev.</i> Controversy between liberals and narodniks on the ways of development of Russia in 70-80es of the XIXth century	271
<i>Sh.Galai.</i> The Kadet electoral success — a hollow victory?	279
<i>M.Stockdale.</i> Russian liberals and the contours of patriotism in the Great war	283

<i>N.B.Khajlova</i> . Problem of centrism in Russian liberalism at the beginning of the XXth century	293
<i>D.E.Novikov</i> . Foreign-policy doctrine of Russian liberalism at the beginning of the XXth century	306
<i>S.V.Schelokhaev</i> . Theoretical views of Russian liberal-conservatives of the beginning of the XXth century (D.N.Schipov)	317
<i>A.V.Repnikov</i> . Liberal model of state system in the estimation of Russian conservatives	327
<i>N.I.Kanisheva</i> . Evolution of Kadet ideology and program in the period of civil war and emigration	339
<i>H.Vasudevan</i> . Liberal Ascendancy in provincial Russia on the eve of the 1905 revolution	356
<i>V.Yu.Karnischin</i> . Provincial liberal under circumstances of Russian modernization of the beginning of the XXth century	374
<i>O.A.Kharus'</i> . Liberalism in Siberia at the beginning of the XXth century: ideology, politics, organization	382
<i>S.M.Iskhakov</i> . Muslim liberalism in Russia at the beginning of the XXth century	391
<i>I.V.Narsky</i> . To the question of socio-moral climate of Russian liberalism at the beginning of the XXth century	405
<i>O.V.Budnitsky</i> . Maklakov and Miliukov: two views on Russian liberalism	416
<i>A.A.Danilov</i> . Liberal parties and movements in Russian Federation at the end of 80es — middle of 90es	429

Section III. DISCUSSION

<i>Yu.E.Volkov</i> . Ideals of liberalism and problems of development of post-communist society	439
<i>V.K.Kantor</i> . K.D.Kavelin and his philosophy of Russian history	449
<i>A.K.Sorokin</i> . Transition which didn't take place (from authoritarianism to democracy)	458
<i>B.S.Itenberg</i> . Several questions of studying XIXth century Russian liberalism	491
<i>T.I.Riabova</i> . Home liberals about Russia self-determination in the context of religious idea	503
<i>S.M.Smagina</i> . Russian political parties in emigration: attempts of «left» blocking	513
<i>A.A.Fedorenko</i> . Political programs and tactics of Russia liberal parties estimated by V.M.Chernov	524
<i>N.I.Dedkov</i> . V.Maklakov' conservative liberalism	537
<i>A.I.Sperkach</i> . Kadets in Germany capital and terror against them	547
<i>E.E.Pisarenko</i> . Liberal nobility and revolution (prince V.A.Kugushev)	554

ЛИБЕРАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА В ОЦЕНКЕ РУССКИХ КОНСЕРВАТОРОВ

В конце XIX — начале XX в. в процессе модернизационных изменений в России произошло обострение дискуссии между различными течениями отечественной интеллигенции о допустимости перенесения западных моделей общественного развития на русскую почву. Если в начале XIX в. подобные дискуссии между западниками и славянофилами носили преимущественно отвлеченно-теоретический характер, то в конце XIX в. и особенно в начале XX в. либералы и консерваторы стали вовлекать в орбиту своих споров народные массы. При этом в целях более широкой и действенной пропаганды идеи подавались массам уже в упрощенной форме. Это приводило к тому, что и либеральные, и консервативные проекты постепенно смещались в сторону радикализации, а пропасть между либералами и консерваторами становилась все более непреодолимой.

Концептуальные разработки консервативных мыслителей, живших на рубеже двух веков, интересны тем, что они отличаются как от отвлеченных религиозно-философских рассуждений славянофилов, так и от упрощенных положений идеологов монархических партий. Это позволяет нам рассматривать консервативную оценку либеральной модели государственного устройства, существовавшую в этот период, не в чисто философском или историческом плане, а на стыке философии и политики.

Прежде всего, необходимо хотя бы условно разделить консерваторов того времени на две группы: охранителей и творцов. Для первой группы было важно сохранение того, что уже было создано. Это, как правило, были не мыслители-теоретики, а исполнители-практики. Для консерваторов-творцов было важно не только сохранение, но и приумножение исторической традиции. Они призывали не только беречь прошлое, но и использовать созидательный опыт. Ратуя за сохранение принципиально-сущностных основ традиционной системы отношений, они стремились разработать и предложить целостную систему мер, позволявших, по их мнению, осуществить плавный переход к новым социально-

экономическим отношениям, без скачков и потрясений. В то же время для консерваторов-творцов было не менее важно сохранить все то, что способствовало бы устойчивости традиционного общества, одновременно позволяя ему динамично и безболезненно развиваться. Поэтому в условиях быстро меняющегося мира они стремились сделать особый акцент именно на обосновании преимуществ традиции, что, по их мнению, позволяло бы избежать «прерыва постепенности», на котором настаивали не только социалисты, но и радикально настроенные либералы.

Консерваторы-творцы были в большей степени теоретики, чем практики, хотя и могли сочетать создание теоретических моделей с активной политической деятельностью. При этом они, как правило, были вынуждены действовать в конкретных ситуациях по логике консерваторов-охранителей. Так, например, К.П. Победоносцев, начиная свою деятельность на посту обер-прокурора Святейшего Синода, мечтал оживить духовную жизнь России в соответствии со своими представлениями. Постепенно, по мере деятельности на этом посту, он убедился, что все его благие намерения не выдерживают столкновения с реальной жизнью. В результате Победоносцев, чьи действия поначалу встретили одобрение духовенства, все больше и больше стал опираться на командно-административные методы руководства. Естественно, что ни о каком нравственном возрождении уже не могло быть и речи¹. Стремление объединить вместе консерваторов-охранителей и консерваторов-творцов порождает определенную путаницу, когда все сторонники традиционализма скопом зачисляются в «реакционеры» и «ретрограды». Необходимо отделять консервативное творчество от простого охранения. Консерваторы-творцы были нацелены не на застой, а на дальнейшее развитие, которое мыслилось ими в русле уже существующих национально-государственных традиций. Данное сообщение посвящено анализу либеральных идей именно со стороны консерваторов-творцов.

Современные исследователи отмечают, что «конфликтность политико-правовых построений консерватизма и либерализма обусловлена, прежде всего, столкновением противоположных онтологических принципов христианского и секуляризованного мировоззрения»². Действительно, идеологи консерватизма являлись носителями ярко выраженного религиозного мировоззрения, в то время как идеологи либерализма выступали с рационалистических позиций. Это накладывало определенный отпечаток на оценку консерваторами либеральной перспективы в России, поскольку для них самодержавная власть и все, что с ней было связано, носили не только чисто политическое, но и сакральное значение.

Для идеократического взгляда на мир, который разделяли консерваторы, характерна сакрализация многих обыден-

ных явлений общественной жизни. Эта сакрализация отвергается сторонниками секуляризованного, а тем более материалистического подхода к истории. Не случайно с целью опровержения политических концепций консерваторов их оппоненты пытались поставить под сомнение искренность их религиозных убеждений. Примечательно, что подобные обвинения исходили не только из среды политических противников, но и из среды консерваторов-охранителей. Особенно часто подобная критика звучала в адрес Победоносцева. «Самодержавие — вот истинная религия Победоносцева, самодержец — ...вот его сотворенный кумир, его божество» — писал А.В.Амфитеатров³.

Впоследствии аналогичное мнение высказывал М.Н.Покровский, считавший, что «для Победоносцева религия была средством сделать карьеру»⁴. При рассмотрении отношения консерваторов к либеральной модели государственного устройства необходимо обязательно учитывать наличие в их взглядах религиозного вектора, поскольку этот вектор в значительной степени влиял на формирование их общественно-политической позиции.

Консерваторы не пытались мерить свои положения только рациональной меркой, а либералы весьма скептически относились к сакрально-религиозной подоплеке консервативного мировоззрения, но это не значит, что представители консервативного или либерального лагеря обязательно должны делиться на «лучших» и «худших». Подобное разделение неправомерно. Консерваторы пытались по мере сил связать отстаиваемые ими догмы христианства с реальной политикой, а либералы стремились найти определенное место для религии в конструируемой ими схеме общественного развития. Не случайно многие из либеральных мыслителей обратились к религиозной философии после событий 1905 и 1917 гг. Разница между консервативной и либеральной идеологией еще не была так ярко выражена, как разница между консерватизмом и материализмом.

Важным моментом в понимании отношения консерваторов к либеральным концепциям является то, что многие из видных идеологов консерватизма сами прошли через увлечение либеральными и даже радикальными идеями переустройства общества. Так, Н.Я.Данилевский в 1849 г. был арестован по делу М.В.Петрашевского и пробыл сто дней в Петропавловской крепости. Хотя следственная комиссия и освободила его от суда, он был выслан из Петербурга, что в значительной степени повлияло на его научную карьеру. К.Н.Леонтьев пришел к консервативному мировоззрению через мучительную борьбу с самим собой. Впоследствии он вспоминал, что в первые годы правления Александра II «все мы сочувствовали этому либеральному движению»⁵.

Интересен пример Победоносцева, который в тридцатилетнем возрасте сотрудничал в «Голосах из России», издаваемых в Лондоне А.И.Герценом и Н.П.Огаревым. В 1859 г. там был опубликован его памфлет «Граф В.Н.Панин. Министр юстиции». В нем будущий апологет консерватизма выступал как поборник гласности, инициативы и свободы судов. В советской историографии этот факт, как правило, или замалчивался, или же трактовался как проявление двоемыслия Победоносцева. В то же время необходимо учитывать, что Победоносцеву было поручено участвовать в подготовке судебной реформы 60-х годов XIX в. и его деятельность на этом поприще получила высокую оценку Александра II. Все это убедительно свидетельствует о том, что на определенном этапе своей жизни Победоносцев искренне верил в возможность либеральных преобразований сверху.

Ярким примером в этом ряду является Л.А.Тихомиров, ставший из активного участника «Народной воли» и идеолога народничества убежденным монархистом и редактором «Московских ведомостей». Подобная метаморфоза была настолько разительной, что монархисты еще долго считали его «засланным» в их лагерь, а бывшие товарищи-революционеры выдвинули в качестве мотивов такого поступка психическую болезнь Тихомирова.

Объяснение подобной смены политического мировоззрения только выгодой или личностными особенностями является грубым упрощением. Несомненно, что основной причиной здесь послужила внутренняя переоценка мировоззренческих ценностей под влиянием внешних обстоятельств. Тем не менее, увлечение идеями общественного переустройства на определенном этапе жизни не прошло для консерваторов бесследно. Так, уже став на традиционалистские позиции, Леонтьев с симпатией относился к некоторым идеям либерального мыслителя Вл.Соловьева, Победоносцев еще долго сохранял веру в прогресс, а Тихомиров пытался перенести свои народнические симпатии на новую монархическую почву.

В соответствии со своим мировоззрением консерваторы иначе, чем либералы, оценивали роль государства, считая, что подчинение государству («искание над собой власти») является естественной психологической чертой людей. Согласно патерналистскому пониманию системы власти как «большой семьи», консерваторы доказывали, что монарх подобен «отцу», а его подданные «детям». Из этого следовало, что подчинение власти является исполнением не просто гражданского, а «сыновнего» долга.

В период модернизационных изменений только монарх, как доказывали консерваторы, мог уберечь народ от «соблазнов» либерализма и социализма, подобно тому, как отец оберегает детей до совершеннолетия. Детское состояние на-

родной души — данность для консерваторов. Современный исследователь В.П.Булдаков даже считает, что Россия как империя «понимается просто как особая сложноорганизованная система *патерналистского* типа»⁶. Американский исследователь Роберт Бирнс, анализируя взгляды Победоносцева на государство, также отмечал, что тот «рассматривал русское государство как некую семью с абсолютным отеческим авторитетом и отеческой заботой с одной стороны, и полным повиновением и любовью с другой стороны»⁷.

Для либеральных интеллектуалов подобная патерналистская концепция воздействия власти на общество была непонятна и неприемлема. Они считали государство неизбежным злом. Отсюда проистекал постоянный поиск принципов, которые могли бы ограничить это «зло». Либералы считали, что власть всегда имеет больше возможностей для негативного проявления насилия, чем для его использования в позитивных целях. На первое место они ставили интересы личности, ее права и свободы. Хотя либералы и не были антигосударственниками, роль государства обозначалась ими не в религиозных, а в правовых терминах. Если консерваторы отталкивались от патерналистской трактовки государственности, имевшей архаичные корни в русской истории, то либералы заимствовали западный опыт, берущий свое начало еще от эпохи Просвещения. Р.Бирнс четко отметил это различие на примере Победоносцева, который «столь же естественно в первую очередь думал о государстве, как американец в первую очередь думает о личности»⁸.

Сильная государственная власть не была самоцелью для консерваторов. Она должна была обеспечить следование России по собственному национальному пути развития, который связывался в представлениях консерваторов с существующей самодержавной системой.

В отличие от консерваторов, придававших монархическому принципу огромное значение, либеральные идеологи, рассматривавшие самодержавие как определенную гарантию от революционных потрясений, хотели постепенного продвижения от жесткой абсолютистской модели к конституционной монархии. Русские либералы, вместе с тем, не стремились к слепому заимствованию западного опыта, учитывая в той или иной степени исторические особенности формирования российской государственности, место и роль монархической власти, православной религии, специфическую ментальность русского народа.

Для консерваторов сохранение монархического принципа имело первостепенное значение, а либералы делали акцент на его преходящей роли и были заинтересованы в нем как рычаге для эволюционного перехода к правовому государству. Для них самодержавная власть не являлась сакральной властью, а была всего лишь переходной формой правле-

ния, соответствующей определенному этапу развития России. В новых социально-экономических условиях эта форма правления должна была, по мнению либералов, подвергнуться неизбежной трансформации.

Консерваторы же считали самодержавие самодостаточным. Идея замены абсолютистской модели самодержавия на конституционно-монархическую или конституционно-парламентскую форму правления рассматривалась ими как покушение на основы российской государственности.

Либералы справедливо критиковали консерваторов за то, что те не стремились к четкому юридически-правовому оформлению «конструкции» самодержавия. В этом вопросе выверенные по западным образцам либеральные концепции выглядели гораздо более оформленными и логичными. Дело в том, что, в отличие от либералов, консерваторы вводили в свои построения элемент сакрализации монархической власти, т.е. надюридический элемент, который исключал возможность чисто рационального объяснения принципа власти. Об этом писал Победоносцев: «Есть предметы, которые — может быть, до некоторого времени — поддаются только непосредственному сознанию и ощущению, но не поддаются строгому логическому анализу, не терпят искусственной конструкции. Всякая формула дает им ложный вид... Есть, подлинно, явления, которые лучше не возводить в конструкцию формулы»⁹. Подобная апелляция к «ощущению» при обосновании самодержавия была по меньшей мере странной для либералов.

Зарубежные исследователи (Р.Бирнс, Э.Таден) верно отмечали, что консерваторы стремились совместить религиозные и правовые понятия, перенеся их на всю структуру российского общества. Право допускалось в систему консервативных построений только после того, как оно подкреплялось религиозным догматом. Особенно четко это выразилось в мировоззрении Победоносцева, для которого закон, с одной стороны, был правилом поведения, а с другой — приобретал характер заповеди, поскольку освящался религией. Для либералов же закон был самоценен, и его вовсе не нужно было «возвеличивать» с помощью обращения к «духовной» стороне человеческой природы. Либералы обращались прежде всего к «рациональной» стороне человеческого мышления, что, с точки зрения консерваторов, лишало закон рационального оправдания. По их мнению, в государственной системе, созданной в рамках либеральной модели, человек отвечал перед человеческим правосудием, а не перед Богом. То есть исполнение законов проистекало не из боязни Божественной кары, а из страха перед наказанием и «слепым правосудием человеческим».

Без понимания этой стороны консерватизма сложно в полной мере осознать ту неприязнь, которую традициона-

листы испытывали к парламентской форме правления. Они не считали возможным, что отвечающий перед Богом монарх должен еще нести ответственность перед какими-либо парламентскими структурами.

Начало народовластию консерваторы относили к ложному политическому началу еще и потому, что в его основе лежала идущая с Запада идея о том, что всякая власть исходит от народа и имеет основание в воле народной. Консерваторы же считали, что «нет власти не от Бога» (Рим. 13, 1). По их мнению, либералы обожествляли человеческую волю, заменяя ею волю Божественную.

Особенно критически консерваторы относились к процедуре выборов, считая, что они представляют собой игру на чувствах и эмоциях толпы. В этой игре побеждает более удачливый, но не всегда более профессиональный политик, а ослепленная предвыборными обещаниями масса даже не помышляет о соотнесении этих обещаний с реальными возможностями. «История свидетельствует, что существенные, плодотворные для народа и прочные меры и преобразования исходят от центральной воли государственных людей или от меньшинства, просветленного высокою идеей и глубоким знанием; напротив того, с расширением выборного начала происходило принижение государственной мысли и вульгаризация мнения в массе избирателей...», — писал Победоносцев¹⁰.

Консерваторы отдавали себе отчет в том, что практическое осуществление в России либеральных реформ приведет к неизбежным изменениям во всей государственной системе. В этом случае самодержцу пришлось бы уступить сначала часть своих полномочий, а затем превратиться в чисто декоративную фигуру, которая царствует, но не правит. В случае создания представительных органов власти произошло бы неизбежное «выдавливание» монарха из реальной политической жизни, что олицетворяло для консерваторов не только покушение на власть конкретного человека, но и десакрализацию тех мировоззренческих ценностей, которые стояли за этим человеком. Самодержец был для них в полной мере «сакрален», а его власть «священна».

К тому же консерваторы не думали, что парламентаризм может позитивно обновить жизнь общества, считая, что сторонниками этой идеи в лучшем случае движет наивный утопизм, а в худшем — стремление к личной выгоде. Победоносцев отмечал по этому поводу: «Горький исторический опыт показывает, что демократы, как скоро получают власть в свои руки, превращаются в тех же бюрократов, на коих прежде столь сильно негодовали, становятся тоже властными распорядителями народной жизни, отрешенными от жизни народной, от духа его и истории, произвольными

властителями жизни народной, не только не лучше, но иногда еще и хуже прежних чиновников»¹¹.

Не сомневаясь в губительном характере парламентской системы применительно к России, консерваторы не были тотальными отрицателями самой идеи парламентаризма как таковой. Данилевский считал, что для западноевропейского культурно-исторического типа конституционный строй закономерен и органичен, а вот попытки перенести его на российскую почву равносильны попыткам заставить рыбу дышать легкими. При этом он не делил формы политического устройства на «высшие» и «низшие», считая, что нелепо утверждать будто бы французский республиканский строй лучше русского самодержавия или английской конституции.

Аналогичной точки зрения придерживался и Тихомиров. Для него не было «лучших» и «худших» типов государственного устройства. «Ни один из них, — писал Тихомиров, — не может быть назван ни первым, ни вторым, ни последним фазисом эволюции. Ни один из них с этой точки зрения не может быть считаем ни высшим, ни низшим, ни первичным, ни заключительным»¹².

Консерваторы отмечали, что на Западе либеральные идеи были действительно «выношены» и «выстраданы» обществом, а не калькировались слепо по чужим образцам. Читая наследнику Николаю Александровичу лекции по праву, Победоносцев подчеркивал, что представительные учреждения имеют прямую связь с историей той страны, где они существуют. «Не всякому быту, не всякой истории, не всякому народу свойственны эти учреждения. Они могут в порядке действовать только там, где есть для того условия в быте народном и в учреждениях прежнего времени...»¹³. В качестве примера Победоносцев приводил Англию, считая, что там демократия оправдала себя, поскольку органично вписалась в государственную систему и укоренилась в исторически подготовленной почве. Но это, по мнению Победоносцева, вовсе не означало, что английские государственные формы являются эталоном и могут быть скопированы в России, где они явились бы инородным телом в государственной машине и в конце концов привели бы к распаду государственности и анархии.

Победоносцев считал, что наиболее успешно английская система управления (исключая королевскую власть и аристократию) прижилась в Соединенных Штатах. Парламентаризм, по его мнению, мог успешно существовать и развиваться в странах англосаксонского ареала и в таких небольших государствах Европы, как Бельгия и Голландия. Попытки же перенесения парламентских форм в Европу и на Балканы Победоносцев считал искусственными и неудачными. Особенно критически он оценивал попытки «привития» либеральных систем во Франции, Италии, Испании, на Балка-

нах, в Австро-Венгрии и в Латинской Америке. Например, в Испании, по его мнению, либерализм всегда неразрывно связан с мятежом, поскольку не имеет под собой твердой исторической почвы.

Хотя консерваторы и придавали большое значение духовному развитию общества, они не отрицали необходимости заимствования достижений мировой научной мысли, осознавая, что России необходимо техническое развитие. При этом они в большей мере, чем либералы, обращали внимание на неизбежные духовные издержки, которые нес с собой прогресс. Не отрицая положительного значения науки для развития и укрепления государственной мощи, консерваторы не считали, что с помощью научных достижений можно улучшить саму человеческую природу, сделать людей более нравственными и менее жестокими. Идея позитивного влияния научных открытий на улучшение природы человечества отвергалась ими потому, что они понимали опасность использования этих открытий в античеловеческих, разрушительных целях, о чем много писал Леонтьев, считавший, что наука может привести человечество на грань выживания. По сути, он одним из первых заговорил о том, что впоследствии, в XX в., вошло в число глобальных проблем человечества.

Настороженное отношение к издержкам прогресса в определенной степени повлияло на отношение консерваторов к той форме капитализма, которая начала складываться в России после 1861 г. «Разрушены вековые узы исторически создавшегося рабства... и вместе с тем создаются новые виды тяжкого экономического рабства, порождаемого самой свободой экономической деятельности, рабства безысходного, коему подвергаются массы из-за хлеба насущного»¹⁴. Все это приводит к тому, что «открывается страшная непроходимая бездна между богатством, довольством, пресыщением немногих — и отчаянною нищетою массы страдающих и погибающих от бессилия, бедности и невежества»¹⁵. В 1898 г. в письме к Николаю II Победоносцев обращал его внимание на то, что разрушение привычного уклада жизни порождает в народе возмущение властью, которая ничего не делает для улучшения положения масс, а только подавляет их возмущение «податями, правителями, судами».

Неприятие сформировавшихся капиталистических отношений усиливало негативное отношение консерваторов к либералам. На этой почве они даже сблизились с радикальными социалистами. Так, Леонтьев считал, что появление радикальных революционных идей — это *«реакция против либерализма, которому на экономической почве всегда соответствует бессовестное господство денег...»*¹⁶. Ему вторил Тихомиров, сохранивший неприятие капитализма еще со времени своей революционной деятельности. Он писал: «Та историческая форма гражданского общества, которая ныне

господствует в цивилизованном мире, есть *общественность буржуазная*. Она своими недостатками и злоупотреблениями создала социализм, который выдвинул много справедливого, как протест против буржуазного общества...»¹⁷. При этом консерваторы не замечали, что либералы также были обеспокоены возможностью социального расслоения общества при капитализме.

Консерваторы в своей критике капитализма порой повторяли социалистическую риторику, но, в отличие от социалистов, они вкладывали иной смысл в свои антибуржуазные лозунги. В первом случае индивид подчинялся государству, осененному религиозной идеей, а во втором случае — государству, олицетворявшему социалистическую идею. При этом и в том, и в другом случае Россия воспринималась как носительница некой особой миссии. Либералы оказывались «лишними» и для консерваторов, и для социалистов и были вынуждены существовать «между двух огней».

Виднейшие представители консервативной мысли, понимая, что Россия движется к социально-политическому кризису, считали, что разрешением этой ситуации может стать революция. О возможности революции в России высказывались Победоносцев, Леонтьев и Тихомиров. В качестве виновников ослабления самодержавной системы они называли либералов. В то же время на страницах дневников, в личных письмах и частных разговорах они с ожесточением обличали чиновничество и бюрократию. «Нет ничего гнуснее вида нынешнего начальства... И глупы, и подло трусливы, и ни искры чувства долга. Я уверен, что большинство этой сволочи раболепно служило бы и туркам, и японцам, если бы они завоевали Россию», — писал Тихомиров¹⁸.

Консерваторы уже заранее испугались грядущих потрясений. Отсюда проистекала двойственность их действий. С одной стороны, они видели недостатки существующей системы, с другой стороны, вместо того чтобы открыто вскрывать эти недостатки, они, вольно или невольно, помогали загонять «болезнь» вглубь. В этом не столько их вина, сколько беда, так как они были вынуждены постоянно помнить о том, что любыми критическими высказываниями в адрес существующей системы могут воспользоваться их политические оппоненты.

Попытки консерваторов «достучаться» до власти наталкивались на отторжение выродившейся правящей элиты России. Эта элита не хотела прислушиваться к предупреждениям, звучавшим из уст искренних монархистов. Правящий слой оказался неспособным адекватно и творчески ответить на вызов времени. Показательна запись, сделанная Тихомировым в 1905 г.: «...Россия не может не желать *жить*, а ей грозит гибель, она прямо находится в гибели, и царь бессилен ее спасти, бессилен делать то, что могло бы спасти его

и Россию! Что ни делает, губит и ее, и его самого. И что мы, простые русские, как я, например, можем сделать? Ничего ровно. Сиди и жди, пока погибнешь!»¹⁹.

И консерваторы и либералы осознавали важность модернизационных изменений, происходивших в России на рубеже веков. Либералы надеялись устранить кризисные явления в обществе с помощью построения правового государства. Консерваторы считали, что важнее изменить сознание людей, поскольку в России необходимо воздействовать на народные массы не столько с помощью законов, сколько с помощью возбуждения определенных эмоционально-чувственных симпатий и антипатий. Либералы апеллировали к разуму, а консерваторы к чувствам народа. Либералы были прагматики, для которых религия выступала в роли «маргинального украшения» государственной структуры. Консерваторы делали упор именно на возрождение религиозного сознания, связывая воедино господствующую форму правления и господствующее вероисповедание.

Либералы выступали за широкую демократизацию всех сфер жизни, считая, что политические и экономические реформы приведут к созданию в России конституционной или парламентской монархии. Консерваторы отстаивали сильную государственность, считая, что реформы должны проводиться с целью укрепления власти самодержца.

Либералы в традициях западной философии отстаивали один из главных принципов капитализма — индивидуализм, придавая большое значение правам и свободам личности. Консерваторы являлись сторонниками коллективизма, общины как оплота традиционных отношений.

При всех существенных различиях между либеральной и консервативной мыслью, на рубеже веков еще не существовало фатально антагонистических противоречий. Была хрупкая, но так и не востребованная возможность компромисса, и не на либеральных или консервативных мыслителях лежит вина в том, что этот компромисс так и не был найден. Преобразовательные идеи блокировались бюрократическим слоем, неспособным воспринимать любое творчество.

Надеявшиеся донести свои идеи до самодержца консерваторы вскоре убеждались в утопичности своих теоретических построений в контексте существующей реальности. Закономерен их постепенный уход в исследование религиозных проблем. Так, Леонтьев незадолго до смерти стал монахом, Победоносцев перевел Новый Завет, а Тихомиров посвятил последние годы жизни написанию работы «Религиозно-философские основы истории» и мистической повести «В последние дни».

Политическое поражение отечественного консерватизма явилось следствием отторжения любой нетрадиционной концепции со стороны власти, которая, опираясь на консер-

ваторов-охранителей игнорировала консерваторов-творцов. Делая ставку на «верноподданный» бюрократический аппарат, последний император в итоге превратился в лишнюю фигуру, оттолкнувшую от себя как либеральных, так и консервативных интеллектуалов и оставшуюся в изоляции.

Примечания

¹ См.: Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996.

² Тимошина Е.В. Онтологические права в правовой теории К.П.Победоносцева // Известия вузов. Правоведение. 1997. № 2. С. 333.

³ Победоносцев К.П. Pro et contra. СПб., 1996. С. 333.

⁴ Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. М., 1925. С. VII.

⁵ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872—1891). М., 1996. С. 553.

⁶ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 8.

⁷ Byrnes R. Pobedonostsev. His life and thought. Bloomington; London, 1968. P. 310.

⁸ Ibid. P. 291.

⁹ Цит.: Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996. С. 22.

¹⁰ Там же. С. 278.

¹¹ Там же. С. 183.

¹² Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 74.

¹³ Победоносцев К.П. Записки по законоведению: Курс лекций. 1885—1888 гг. // Известия вузов. Правоведение. 1997. № 1. С. 78.

¹⁴ Победоносцев К.П. Сочинения. С. 193.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Леонтьев К.Н. Указ. соч. С. 256.

¹⁷ Тихомиров Л.А. Критика демократии. М., 1997. С. 268.

¹⁸ 25 лет назад / Из дневников Л.Тихомирова // Красный архив. М.—Л., 1930. Т. II. С. 53.

¹⁹ Там же. С. 71.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>М.К.Горшков.</i> К вопросу о либерализме в России (вступительное слово)	10

Раздел первый. ДОКЛАДЫ

<i>В.В.Шелохаев.</i> Русский либерализм как историографическая и историософская проблема.	17
<i>Б.Г.Капустин.</i> Алгоритмы и варианты западного либерализма	39
<i>В.Ф.Пустарнаков.</i> Была ли у русского либерализма своя философия?	57
<i>А.Н.Медушевский.</i> Политическая философия российского либерализма в сравнительной перспективе	74
<i>И.К.Пантин.</i> Историческая драма русского либерализма. . .	94
<i>А.Н.Загородников.</i> Западный и российский либерализм: традиции и современность.	111
<i>Л.В.Селезнева.</i> Российский либерализм и европейская политическая традиция: созвучия и диссонансы	121
<i>Л.Г.Березовая.</i> Самосознание либеральной интеллигенции в начале XX века.	130
<i>В.В.Согрин.</i> Либерализм в России конца XX века: перипетии и перспективы.	151

Раздел второй. СООБЩЕНИЯ

<i>А.Д.Степанский.</i> Институциональная структура русского либерализма (XVIII — начало XX в.).	169
<i>С.С.Секиринский.</i> Либеральный идеал и российская действительность XIX века: некоторые аспекты взаимодействия.	185
<i>Т.А.Филиппова.</i> Либерально-консервативный синтез (Попытка хронополитического анализа)	201
<i>И.Н.Сиземская.</i> «Новый либерализм»: учение о правах человека и государственной власти	209
<i>Г.П.Аксенов.</i> Личность как основа либеральной идеи.	217
<i>Д.И.Олейников.</i> Политический романтизм и политическая культура	226
<i>А.А.Левандовский.</i> Либерализм как свойство личности (образ Т.Н.Грановского в пореформенной публицистике)	233

<i>А.И.Нарежный.</i> Формирование либеральной модели государственного устройства России во второй половине XIX века	244
<i>Л.И.Новикова.</i> Земство как орган самоуправления и школа политического опыта	255
<i>В.В.Зверев.</i> Западноевропейский либерализм и русское народничество: общее и особенное	263
<i>А.А.Алафаев.</i> Полемика между либералами и народниками о путях развития России на рубеже 70—80-х годов XIX века.	271
<i>Ш.Галай.</i> The Kadet Electoral Success — a Hollow Victory? . .	279
<i>М.Стокдейл.</i> Russian Liberals and the Contours of Patriotism in the Great War	283
<i>Н.Б.Хайлова.</i> Проблема центризма в русском либерализме в начале XX века	293
<i>Д.Е.Новиков.</i> Внешнеполитическая доктрина русского либерализма в начале XX века	306
<i>С.В.Шелохаев.</i> Теоретические представления русских либералов-консерваторов начала XX века (Дмитрий Николаевич Шипов)	317
<i>А.В.Репников.</i> Либеральная модель государственного устройства в оценке русских консерваторов	327
<i>Н.И.Канищева.</i> Эволюция идеологии и программы кадетской партии в период гражданской войны и эмиграции	339
<i>Х.Васудеван.</i> Liberal Ascendancy in Provincial Russia on the Eve of the 1905 Revolution	356
<i>В.Ю.Карнишин.</i> Провинциальный либерал в условиях российской модернизации начала XX века.	374
<i>О.А.Харусь.</i> Либерализм в Сибири начала XX века: идеология, политика, организация (1905 — февраль 1917 г.)	382
<i>С.М.Исхаков.</i> Мусульманский либерализм в России в начале XX века	391
<i>И.В.Нарский.</i> К вопросу о социально-моральной среде российского либерализма в начале XX века	405
<i>О.В.Будницкий.</i> Маклаков и Милюков: два взгляда на русский либерализм	416
<i>А.А.Данилов.</i> Либеральные партии и движения Российской Федерации в конце 80 — середине 90-х годов.	429

Раздел третий. ДИСКУССИЯ

<i>Ю.Е.Волков.</i> Идеалы либерализма и проблемы развития посткоммунистического общества	439
<i>В.К.Кантор.</i> К.Д.Кавелин и его философия русской истории.	449

<i>А.К.Сорокин.</i> Несостоявшийся транзит (от авторитаризма к демократии)	458
<i>Б.С.Итенберг.</i> Некоторые вопросы изучения русского либерализма XIX века.	491
<i>Т.И.Рябова.</i> Отечественные либералы о самоопределении России в контексте религиозной идеи.	503
<i>С.М.Смагина.</i> Российские политические партии в эмиграции: попытки «левого» блокирования	513
<i>А.А.Федоренко.</i> Политические программы и тактика либеральных партий России в оценках В.М.Чернова	524
<i>Н.И.Дедков.</i> Консервативный либерализм Василия Маклакова	537
<i>А.И.Сперкач.</i> Кадеты в столице Германии и террор против них.	547
<i>Э.Е.Писаренко.</i> Либеральная аристократия и революция (князь В.А.Кугушев).	554

**Русский либерализм:
исторические судьбы и перспективы**

Материалы международной научной конференции

Художественное оформление *А. Сорокин*

Техническое редактирование
и компьютерная верстка *Н. Галанчева*

ЛР № 030457 от 15.04.1998. Подписано в печать 21.12.98.
Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 35,5. Уч.-изд.л. 39,2 Тираж 500 экз. Заказ № 242

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

129256, Москва, ул. В.Пика, д. 4, корп. 1. Тел. 181-00-13 (дирекция);
181-34-57 (отдел реализации). Факс 181-01-13

Отпечатано в Московской типографии № 2 РАН
121009, Москва, Шубинский пер., 6